

Андрей Терасимов

Больше двух
не собираются

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Герасимов

Больше двух не собираться

<https://litres.ru/73998933>

SelfPub; 2026

Аннотация

Самый добрый и романтичный роман современной литературы. Мяхков и Валюша через три дня после знакомства начинают жить вместе в квартире Валюши. Безжалостный быт, плюс разница в возрасте — десять лет, внезапный приезд тестя и тёщи, смогут разрушить, или наоборот, сплотят молодую семью...

Содержание

Андрей Герасимов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Герасимов

Больше двух не собираться

Андрей Герасимов

Роман

Больше двух не собираться

Моей жене

Часть первая.

Под борщом и пледом

Образ «благородного дикаря»

вооружённого

«народной мудростью» и не

испорченного

цивилизацией

Глава 1. Масло

Отец научил Мяхкова двум вещам: есть сливочное масло и цинизму. Десертной ложкой вприкуску с чаем, Мяхков ел сливочное масло и чаще всего улыбался, и любил своего отца. Отстраненность отца Мяхков объяснял одним примером. Мать приходит с работы и говорит: «Юр, представляешь, Вера умерла из пятого подъезда». «И чёрт с ней», — отвечал отец. И Мяхков был согласен с отцом и даже гордился им за его непредвзятость.

Часто Мяхков вспоминал поделки отца: хлебницу, столик на колёсиках и книжные полки, из распиленной резной этажерки. Полки отец прибил на стену над письменным столом Мяхкова. Но не на два крепления для равновесия, а на одно посередине. Поэтому школяру Мяхкову приходилось самому устанавливать баланс равновесия полок. Четыре книги с правой стороны не перевешивали все тетради с левой или же по две книги с двух сторон.

Хлебницу отец сделал из старого советского кухонного гарнитура. Тогда Мяхков не знал, что это был плотный, тяжёлый материал — ДСП. Хлебница полностью закрывала верх холодильника и открывалась при помощи отвёртки, которая в течение недели торчала из хлебницы, для удобства. Первая не выдержала мать: «Вот уже, самоделкин, сынок, иди, открой, этот гроб!» Чтобы достать хлеб, нужно было приложить больше усилий, чем чтобы купить его. Хлебница переехала жить на балкон, и оказалась отличным ящиком под инструменты.

Столик на колёсиках отец сделал из манежа. Манеж, который пылился за шифоньером, в собранном виде напоминал клетку для крупного и хищного, но ещё маленького животного, чтобы он не сбежал и ничего не погрыз. На волшебный столик помещалось две тарелки: суповая и гарнирная, две гарнирных не помещалось и оставалось место под хлеб. После первого же выезда из кухни в зал, тарелка с борщом вылетела на палас, притом, что были предусмотрены борта по краям. Столик на колёсиках уехал жить на мусорник.

— Как можно есть сливочное масло ложкой? — удивлялась жена Мяхкова.

— Как-как, я же говорил, что отец научил меня двум ве-

щам.

— Я помню, есть сливочное масло и пофигизму, но я всё равно не могу понять, почему ты не намажешь на хлеб как все нормальные люди,— теперь уже Мяхкова не удивлялась, а возмущалась.

— Валюш, ты ж знаешь, мне абсолютно равнодушно на нормальных людей, пусть они хоть чай без сахара пьют, а мне четыре и с горкой. Ты попробуй, возьми ложку, и попробуй, это же шедевр.— Мяхков закрыл глаза.

— У тебя всё шедевр. Может мне ещё сало с луком есть начать и хлеб подсолнечным маслом поливать?— Валюша не ела мяса.

Жена Мяхкова много чего не делала, что делал Мяхков. И много чего не понимала, что понимал Мяхков. Иногда Валя смотрела на мужа, чаще всего, когда он пил чай с маслом, и думала: «Печенье, следом масло и запивает чаем, и не поменяет же последовательность. Сейчас доест, аккуратно свернёт масло и скажет,— это прекрасно или это шедевр, и завалится на диван, потому что кожа на пузе натягивается, поэтому закрываются веки, он думает, что я в это верю. Не был бы таким красивым, давно бы бросила его». И всё о чём думала Валя, так и происходило. Только Мяхков последние

дни говорил: «Шикарный пупс».

После ужина Валя ложилась на диван.

— Любимый, иди ко мне,— Мяхков укладывался рядом, обнимал её крепко, обязательно вдыхал запах волос, и с таким умилением смотрел на свою Валюшу, будто ему дули в лицо.

— Я люблю тебя,— говорил Мяхков.

— И я люблю тебя,— отвечала Валюша.

И его невозможно было не любить. Валюша любила даже всё-то внешнее из чего он состоял. Его потёртый тёмно-синий вельветовый пиджак с рваной дыркой на кармане, он принципиально не зашивал. Капроновую нитку с кольцами от порванных шести струн. Перевернутые часы на правом запястье, чтобы не смотреть на них самому. Его гитару, укулеле, казу, жёлтый маракас, который валялся под подушкой. И книги. На книги он тратил последние деньги. Ремень для джинсов служил ему и ремнём для гитары. Выглядело эпатажно, когда прежде чем начать играть, он отставлял гитару в сторону, растёгивал ремень на джинсах и вырывал его из себя, будто хотел броситься в драку. Бляху крепил к верёвке, привязанной выше верхнего порожка гитары, а другой край

надевал на стреплок. Саня Панда, когда увидел, спросил:

— Подожди, подожди, это ты сам придумал? Или где увидел?

— Ты про что, про ремень, сам конечно.

— Круто!

Глава 2. Камень, ножницы, бумага и колодец во дворе.

Купили стикеры самоклейки, чтобы оставлять записочки на холодильнике и маленьком конвектомате. За три дня было приклеено три стикера: «Доброе утро маленькая попка, я тебя люблю».

«Любимый вынеси мусор, не бери мои ключи, я тебя люблю», и «я тебя люблю». «Люблю, трамвай куплю», — подумал Мяхков и закинул стикеры в ящик.

Наступил выходной. Мяхковы решили каждое воскресенье проводить вместе. В первое воскресенье Мяхков даже отключил телефон на целый день, и они ходили в горы жарили овощи на костре: баклажаны и прочие кормовые — еда

влюблённых. Вечером лежали в ванной с пеной и морской солью, при свечах — бюджетная романтика за триста рублей.

Во второй воскресный выходной Мяхков уже телефон не выключал, и они провели время у моря: кормили уток, пили чай из термоса и ели печенье.

В третье воскресенье проснулись без энтузиазма. В хрущёвке, где жили, с чёрным цокольным этажом, за стеной соседка кричала:

— Ну, сколько ты насрала, боже, сколько ты насрала!! Ты же столько не съела, как ты уже достала! — как известно сопротивление против соседских криков — бесполезно.

За стеной, со слов Валюши, жили: мама — пожилая женщина, скорей всего инвалид, ходячая или не ходячая, по слухам было не понятно. И её дочь, женщина, которую ни с кем не спутаешь. Мяхков представлял её в розовом, засаленном халате с подвёрнутыми рукавами, и в стоптанных мужских туфлях. Мяхков сочувствовал дочери в халате, а Валюша переживала за её маму. Мяхков подумал: «Нелегко женщине», Валюша подумала: «Может постучать им в стену — это же невозможно».

— Помнишь, я тебе говорила, что мне не нравится в тебе,

когда ты остаёшься равнодушным.

— Ну,

— Почему ты не можешь сделать что-нибудь, чтоб женщина за стеной не кричала на бабушку, мне кажется, она её бьёт.

Валя искренне, по-детски верила, что можно легко и смело вмешиваться в чужую жизнь ради порядка в мире и подъезде. — Так же когда я тебя просила, чтоб ты разобрался с курящими соседями сверху, это же невозможно, они курят и не понимают, что дым через вентиляцию летит к нам.

— И как, по-твоему это должно выглядеть, я пойду по этажу, и осёл-ослом буду стучаться в каждую квартиру, и выяснять кто курит в ванной, хорошо не в каждую, а только по нашему стояку, но это же всё равно абсурд. Люди находятся на территории своей жил-площади, и что хотят, то и делают. А представь, если бы там жили химики, и проводили опыты с йодом и красным фосфором. Или физики-ядерщики, тогда бы вообще жили б под угрозой, что взлетим на воздух, но химики и физики полбеда, вот если бы там жили убеждённые алкоголики, тогда опасность взлететь на воздух была бы ещё больше. А так, ну курят люди, ну и бог с ними. Мяшков подумал: «Надо вставать, иначе эти сабли не остановить». И

уже из кухни, под шум электрочайника, продолжил:

— По твоим соображениям, я должен: бегать по улице и подъездам, гонять кошек, запрещать собакам лаять, забирать сигареты у прохожих, а ты не боишься, что за такую активность я и до вечера не доживу, и мне будут разбивать очки. — Мяхков носил очки в роговой оправе.— Мы же не в Швейцарии — это там режим тишины: собаки не лают, и в туалете не смывают после десяти вечера. А в России тихо только на кладбище. У нас тихо, значит плохо, значит, мы все умерли.

Но Валюша уже не слушала, она смотрела ленту инстаграм (запрещённая организация на территории России). Крики Мяхкова её не интересовали, темп на день она задала.

— Сделай кофе, любимый.

— С молоком?

— С молоком!

— Будешь масло пить из-под селёдки?

— Сам пей!

Делать Валюше кофе, Мяхков научился не сразу. Технология приготовления — китайское кипячение до первых пузырьков, оказалась хитрой. Две ложки заварного кофе заливались холодной водой, и чашка закрывалась в микроволновке ровно на две минуты. Тогда кофе не успевало сильно закипеть, и получалось с пенкой. Мяхков же первые пробные разы ставил на две с половиной минуты, такое кофе Валюше не нравилось, приходилось переделывать. Кофе для себя делал по системе — спешу на работу, заливал кипятком, добавлял две ложки сахара, и получался шедевр. «Блин, снова за водой идти». Двадцать литров хватало на три дня. За водой Мяхков ходил на колонку Маркотхский ключ. И в гору на плече таскил воду домой. «Раньше ходили на колодец, теперь к этим аппаратам, сто рублей стоит двадцать литров, получается, пять рублей стоит один литр воды. Пил себе раньше воду из крана и горя не знал. Цой, тот вообще воду из луж пил», — думал Мяхков. Партизанские отряды разума Мяхкова, недолго вели оборонительные бои. Мяхков признал, что вода из крана хуже, а вода из Маркотхского ключа, совсем не оставляет накипь в чайнике. Но когда вода заканчивалась, он легко набирал воду из крана.

— Ваш кофе.

— Ты что за водой ходил?

— А куда я ещё могу сходить утром.

Походы за водой Мяхков не всегда воспринимал как оздоровительную зарядку, чаще, это были принудительные работы. На телефон Мяхкова прилетела смс, прозвучал соответствующий сигнал.

— Кто там тебе уже пишет с утра?— провокационные вопросы, Валюша задавала неосознанно, с малой долей ревности.

— Мне кажется, МЧСовсцы забыли в горах своего начальника с гаджетом, который отвечает за прогноз погоды. Не может быть, минус три, на улице погодка бомба: солнечно и сухо. Он видно, ходит там голодный и злой, замёрз бедолага, и пишет диверсии. То минус три у него, то снег, то град.

— Спасибо за кофе, любимый,— рассмеялась Валюша.— Как хорошо, что мы сегодня вместе дома, ложись ко мне.

Валюша вытянула руки, словно собиралась вылететь рыбкой в окно.

— Не хочу, давай вставай.

— Что делать будем?— Валюша понимала, что Мяхков

ничего не запланировал на день. И медленно злилась.

— Ничего, что обязательно нужно что-то делать?

— Ты опять ничего не подготовил?

— Я тебе что тамада или массовик-затейник из Д.К.? Для начала позавтракаем

— О, пошли, покушать приготовим, покушать приготовишь?

— Быстро ты глаголы спрягаешь, пей кофе, а то остынет. Я сделаю овсянку.

После душа, с накрученной из полотенца чалмой на голове, в белых штанишках и белой футболке, Валюша ела овсянку, с нарезкой банана и киви. И смотрела телевизор. После завтрака принято поваляться на диване, выходной начался.

— Милый, сходи за яблоком.

— Давай, «камень, ножницы, бумага и колодец во дворе». Кто проиграет, тот и пойдёт за яблоком.

Валя показала «камень» и утонула в «колодце». Мяхков ликовал.

— Всё иди.

— Нет, ну так нечестно. Давай ещё раз.

— «Камень, ножницы, бумага и колодец во дворе»,—

И снова Валин камень утонул в колодце.

— Всё два-ноль иди, даже если ты сейчас выиграешь, всё равно проиграешь, будет два-один.

— Ну, если проиграю, значит, пойду.— Валуша не сдавалась и настояла сыграть сет. Но теперь уже «бумага» вернула «камень» Вали.

— Иди, иди, попочка, и помыть не забудь.

Ps: Камень — сжатый кулак.

Бумага — прямая ладонь.

Колодец — знак «окей»

Ножницы — жест указательным и средним пальцами — «нас двое», «на двоих».

Глава 3. Яромир

Сына решили назвать в честь электрочайника — Яромир. Кому ковёр-самолёт, а кому диван-аэродром.

— А может лучше Криштиану?— улыбался Мяхков. — Или Емельян, представляешь, Емельян Мяхков. Емельян к доске! Это кто там такой смелый говорит? Емеля с тобой говорит, пёс ты лохматый.

— Ты что, ну какой Емеля, это же смешно. Мне больше нравится Лев.— Мяхков понимал, что за Емельяна придётся побороться, и не с одной Валеёй, а и с её мамой, а возможно и со своей мамой, он был уверен, единственный, кто бы его поддержал, был батя.

— Согласен, Лев хорошо, мне нравится. Лев Мяхков звучит. Во дворе, его будут звать Львёнок.

Валя запускала пальцы в волосы Мяхкова, словно окунала в воду.

— Это ты мой львёнок любимый. А если будет девочка?

— Девочки не будет.— Мяхков с глубокой уверенностью думал, что будет сын, и не рассматривал имя девочки.

— Почему тебе так важно, чтоб его как-то называли во дворе?

— Хорошо иметь имя, которое не требует прозвища, Емеля уже как прозвище понимаешь, всё, его уже не будут называть: рыжий, ушатый, толстый, понимаешь?

— Тогда можно его назвать Джек, Джек Мяхков,— Валентина вспомнила фильм «Титаник».

— Когда Джек Мяхков вырастит, он на нас сильно обидеться.

— Ай, больно! Ну, что ты такой не аккуратный!— переворачиваясь на локоть, Мяхков потянул за волосы.

— Прости, я же не специально.

— Почему ты такой не внимательный?

— А почему ты их раскидала по всей подушке?

— С тобой невозможно!

— А с тобой, возможно, ты ещё говоришь девочку, тебя одной хватает с головой, а то вас будет две.

Если вспыхивала Валя, воспалялся и Мяхков, но не ради скандала. Мяхков больше отражал удары, чтобы не молчать и не копить негатив невысказанных слов. Мяхков верил в теорию концентрации слов. Если, допустим, в соответствующую настроению ситуацию, не высказать три терпимых для оппонента слова, например: неблагодарная, припадочная, истеричка, то к моменту других выяснений, происходила такая редукция гласных и согласных, что получалось одно обидное, матерное слово.

— Волосы твои по всей квартире валяются, чтобы я их не цеплял, собери в пучок и лежи.

— Сам собери, я дома, как хочу, так и хожу.

— Хорошо, а представь, как ребёнок будет дёргать тебя за волосы. О, я бы на это посмотрел. Тебе придётся носить шапку.

— Чтоб он запомнил свою маму в шапке?— засмеялась Валя.

— Мало того, что он запомнит тебя в шапке, так он ещё будет постоянно плакать.

— Почему?

— Будет постоянно думать, что ты куда-то уезжаешь.

В такие моменты Валентина очень любила мужа, их жизнь казалась ей лёгкой, как салфетка.

— Иди ко мне, мой маленький.

Глава 4. Красная цена

(В магазине «Пятёрочка», на продукты низкого качества, ставится отметка — красная цена, красными буквами)

— Я никогда ни в чём не нуждалась.

— А сейчас, ты что в чём-то нуждаешься?— Мяхков напрягся. Организм замер, на выдохе или вдохе, но в такой мо-

мент, он мог бы выстрелить и попасть в десятку.

— Тебе нужно выходить на новый уровень.

Валя развела большой и указательный пальцы в стороны. Когда Мяхков слышал слово — уровень, он всегда вспоминал свой рабочий жёлтый, отличный *stabile* — уровень, благодаря которому ровно клеил из пенопласта откосы.

— Мне не на уровень нужно выходить, а мышление менять. Мой уровень, далеко ходить не надо можно и здесь понять.

Они сидели в ванной комнате. Валя на унитазе, Мяхков мыл ноги, сидя на краю ванны. Батарея из девяти бутылок стояла перед носом Мяхкова, средства для Валушиной

гигиены, и рядом в блюдечке для мыла, лежало мыло Мяхкова — «Красная цена» за семнадцать рублей.

Шампунь, кондиционер, гель для душа — тропический микс, марокканское аргановое масло, средство для интимной гигиены, мыло жидкое для чувствительной кожи, и супер средство *La Roche-posay*. Очищающий, пенистый мусс для умывания. Ла Роше-посе, специально написано на английском, потому что, именно, эту бутылочку привезли до-

ставкой по заказу из интернета. Даже если взвесить принадлежности Вали, то её три килограмма против ста грамм Мяхкова были в не конкуренции. На стиральной машине стоял стиральный порошок — «Пемос», который Мяхков купил за двадцать пять рублей в Фикс Прайсе (Fix Price — магазин в котором весь товар низкого качества). А на вешалке висело полотенце, размером с дедовский носовой платок, и рядом два полотенца Валентины, которые можно использовать в качестве одеяла, или покрывала для дивана.

— А ты говоришь уровень, вот когда у меня напротив твоих бутылочек будет стоять столько же гелей-шмелей и прочей ерунды, тогда будет понятно, что я на новом уровне.

— А вот, если я начну мыться мылом «красная цена», тогда мы расстанемся.

— Если ты начнёшь мыться моим мылом, ты вся покроешься бородавками, и будешь как Билл Прихлоп Тёрнер из «Пиратов Карибского моря». Летом, когда будешь загорать на пляже, все будут думать, что это бревно лежит, которое из моря выбросило.

— Ты что, дурак, ты, что такое говоришь! — возмутилась Валя.

— Но я всё равно буду тебя любить. Буду волочь тебя от пляжа Сады Морей, до центрального пляжа по морю, а после на руках нести домой.

Глава 5. Шаурма-Шаверма.

Иногда Мяхков закрывал глаза и видел витрину со сливочным маслом. Брусок «Крестьянские узоры» полкило без пятидесяти грамм, с которого всё начиналось. Здесь и «Бурёнкин луг» по скидке, с которым всё продолжалось. «Вкуснотеево», «valuiki», «Кубанский молочник», «Кубанская бурёнка», «Сливочное традиционное» — Коровка из Кореновки, одно из самых любимых. Мяхков думал, что чемпионом по производству масла являлся Воронеж, и был удивлён, что «Экомилку» делали в Новосибирске. Он мечтал собственными руками в деревянной ступе взбить из сметаны масло.

Позвонила Валюша с работы.

— Я поеду с девочками в кафе.

— Хорошо. Только не долго.— Больше для понта ответил Мяхков: «Пусть отдыхает. Побеспокоилась, предупредила, и на том, спасибо».

И приступил к приготовлению шаурмы. Вегетарианской шаурмы по заказу. Благо все ингредиенты были в холодильнике: помидоры, огурцы, перец, который он решил не добавлять. «Не злиться, не додумывать ничего, не фантазировать, мнительная морда, блин. Пусть отдыхает», — ещё раз подумал, и расправил аккуратно тонкий лаваш на столе.

Слой кетчупа, немного чипсов заменили картофель, лук, корейская морковь, хотел добавить квашеной капусты, решил, что будет слишком *Vonduelle*. Немножко фасоли, фасоль-замена мяса. «Такие люди нам нужны», — усмехнулся Мяхков. Так говорили про людей, которые не ели мяса, или не любили молочные изделия, особенно сметану. В почёте у Мяхкова ещё были люди, которые не ели сладкого, берегли зубы. А где были такие люди, когда они говорили это, и кто были эти люди, Мяхков и сам уже не помнил. Шаурма получилась стандартная, еле-еле вместилась на сковороду. Обжарив с четырёх сторон, он улыбнулся: «До золотистого цвета». Вспомнил свою первую жареную картошку в училище. «А теперь сериал, чипсы и сладкий чай».

Конечно, Мяхков ревновал, ревновал до судорог, как всякий романтик в начале отношений. Прошло тридцать минут, а ему уже хотелось написать смс, хотелось позвонить.

На отношения, он смотрел, как на стройку дома. Краткосрочные отношения напоминали ему возведённые каркасы из монолита и шлакоблока, без окон и дверей. В таком доме разве выживешь, постоянный сквозняк, ревность, холод и желание переехать в другой дом. Для любви, обязательно нужно время, окна и тепло.

И не знал к кому больше ревновал. К неизвестным мужчинам, которые как виделось ему, неустанно, при виде Валюши выстраивались в ряд, и начинали приглашать её на танец. Ведь слова: «Я с девчонками в кафе», — это вуаль. Не кафе, а пивняк на Нахимова, не девчонки, а коллеги по работе: дамы замужние, а кто нет, с детьми и нервами. Валюша среди них — цветочек аленький. И Мяхков представлял Валюшину улыбку: «Боже, какая она у меня маленькая, снежинка моя».

Опасные женщины, которые совмещают в себе детскость с женственностью, воинственность с кротостью. Такие женщины, по мнению Мяхкова, наделены от природы особой сексуальностью — это же талант. Валентина вместила в себе все эти качества, и даже больше. Статная, длинноногая, губки пухлые, ручки мягкие. Даже пальцы сохранили свою юношескую прелесть, будто решили больше не расти. Походка кошачья — с пятки на носок, с левого носка на правую пятку.

Мяхков не ходил с ней по двум причинам. Первая, он пять месяцев не пил алкоголь — боялся развязать узел ниндзи-оборотня. Вторая, чтобы не мешать девчонкам, сплетничать. Он уже слышал их разговоры, они, а это Валюша, Танюша и Наташа (все с окончанием на уменьшительно — ласкательное одесское — ша). Они говорили о своей коллеге, давая ей гадкую характеристику в разных ситуациях. Отталкиваясь от их

слов, обсуждаемая, не имела права жить. Или же если и должна жить, то минимум в норе, на глубине два метра, среди таких же особей, и даже весной не выползать, чтобы лечь на бревно и погреться на солнышке.

После выпитого пива Наташа, барышня с милыми кудряшками, принялась показывать упражнения из йоги, Валюша повторяла за ней, Танюша со всего этого хохотала, чесала пятку и качалась, как матрёшка. Танюшины истории, казались Мяхкову, выдумками на ходу, не имели логического конца и художественного смысла: «В общем, одна моя подруга, вышла замуж, и уехала в Москву. Устроилась в салон, маникюр делает». После её рассказов, зрачки превращались в просительный знак: «А дальше?» А дальше тихо падал снег, ондатры идут на север. В целом Мяхков с особой симпатией относился к Валюшиным девчонкам. «Когда Валя с Наташей, я спокоен», — так он выражал признательность. И вот,

когда уже собрался позвонить, Валюша опередила его.

— Что делаешь?— в телефоне Вали играла музыка, и слышался смех.— Я тебе сейчас видео скину, здесь к Тане жёних клеится.

— Смотрю телек и пью чай. Думаю спать ложиться, надо следовать принятому решению.

Вчера они договорились ложиться в десять часов вечера спать, чтобы раньше вставать на пробежку.

— Уже ж больше времени,— Валя понимала, на что намекает муж.

— Ничего, приблизительно хотя бы.

— Хорошо, доброй ночи.

— Доброй ночи.— Мяхкову тяжело далось не включиться в эту игру. Он бросил телефон на диван: «Всё спать, спать, спать! Пусть отдыхает».

На видео, пьяный, забавный узбек танцевал возле их столика. «А узбек неплохо танцует. Русеют сыны Чингисхана, под нашу водочку».

Мяхков проснулся, услышал щелчки замка. «Приехала».

Вышел в коридор, обнял, поцеловал.

— Есть что поесть?

— Я сделал тебе шаурму, она должна быть шикарной.—
Валя попробовала.

— Ну как?

— Хорошо.— И он ушёл обратно в спальню.

«Интересно сколько времени, а зачем мне время, чтоб завтра упрекнуть её, включить режим: Мама под корвалолом. Нет, специально не буду смотреть, всё же хорошо».

После душа пришла Валя.

— Спасибо любимый,— и поцеловала его. А Мяхков лежал и снова думал: «Странно, и как это у меня получилось уснуть во время её гулянки. Это прогресс. Всегда бы так».

Мяхков услышал крик, бежит:

— Убей! Убери его!— на кресло запрыгнула Валюша.

Он раздавил таракана, специально, тапочком, чтоб жиром по всей стене. Поставил Валюшу на пол и пошёл рыцарем на кухню, даже приосанился немного.

Прокис суп.

— Блин, что у нас всё прокисает,— Мяхков подставил кастрюлю под кран с проточной водой, Валя мыла посуду.

— Зачем ты его поласкаешь?—

От супа исходил ужасный запах разложения и человеческой безответственности.

— Я его в туалет вылью.

— Можно и так вылить.

— Харчи переводим, нехорошо. А кстати, тебе мама привет передавала.— крикнул Мяхков из уборной.

— Кстати... ты суп выливал маму вспомнил.

Валя часто делала Мяхкову замечания. После месяца совместной жизни, Мяхков перестал оставлять на столе чайную ложку, привык ставить электрочайник на подошву обратно. И научился мыть кружку не пальцами, а губкой с моющим средством. Мяхков сопротивлялся.

— Моя кружка, как хочу, так и полощу.

И наливал Fairy на мочалку.

— Эта ложка маленькая и никому не мешает, лежит себе и молчит!

И наливал Fairy на мочалку.

— Какая разница, где стоит чайник, если нужно вскипятить воду, вот тогда и ставишь его на подкову,— и ставил чайник на место.

После рабочего дня, Валентина целовала мужа в прихожей, сбрасывала с себя вещи и уходила в душ. После душа выдавливала несколько прыщей и ужинала тем, что любезно приготовил любящий муж, то есть всё что угодно, лишь бы

без мяса. Лидером меню была рыба. В телефоне, он также был записан — муж Мяхков. Валентина, ложилась на застеленный пледом диванчик, брала в руки телефон и ставила день на паузу.

Верный привычкам Мяхков садился у её ног.

— Любимый, ты устал?

— Нет.— Отвечал мужественно Мяхков.

— Тогда намажь мне ножки кремом.— «Она у меня такая милая, такая милая»,— думал Мяхков, и уверенными сильными пальцами мямлил ступни Валентины.

— Любимый, я тебя очень сильно люблю. Ты у меня такой хороший, ты лучше всех. Ты прожил такую жизнь и не озлобился.

Мяхков и без неё знал, что он добрый и хороший, и что он прожил «такую» жизнь и не озлобился.

— Ай, ай! Ты что, так больно, у тебя же пальцы крюки.— Мяхков снижал тиски любви.

— Намажь чуть выше на икрах, кожа сохнет,— выгляды-

вала из-за телефона милая Валюша.

— Конечно, будет сохнуть, ты же каждый день её кремом мажешь. Вот не трогай недельку и, посмотришь, как хорошо станет. Как там на работе?— Валюша ожидала этот вопрос и отложила телефон.

— Сегодня снова приходила, огромевшая женщина, с вот таким лицом,— Валюша развела руки в стороны.

— И что снова просила тридцать шестой?— подхватил Мяхков. Он часто сравнивал Валюшу с героем сериала «Счастливы вместе» Геней Букиным, который работал в обувном магазине, якобы устроился на лето, лето — длиною в жизнь. Гена приходил с работы, садился на диван и засовывал руку за пояс штанов. Валя тоже проделывала подобные трюки.

— Да,— Валюша поддерживала мужа.— Говорит, хочу, вот такой цвет, и показывает фото, на котором совсем не видно волос, а одно только её вытянутое лицо.

— Ах ты моя Валюша Букина, ты ж только на лето устроилась в эту парикмахерскую.

— Это ещё что, на прошлой неделе, записывается на окра-

ooo! — пропел Мяхков.

И вспомнил Женьку Чахлого. Женька, бывший коллега по работе, а Мяхков разделял коллег: были коллеги и по спорту, и по университету. Женька оставил себя в воспоминании, в виде высказываний: «Я вспотел, как портовая шлюха», и если к нему обращались за помощью, он с дельным лицом отвечал: «Разве не видно, я немножечко занят».

«Жена в кабаке на Нахимова, а я, а я, из остатков жизни пытаюсь выжать что-то полезное».

Постоянная усталость от работы и вечная лень, ловко маскируясь под усталость, одолевали Мяхкова. Даже к своему коллеге по работе Разову Серёге, не дошёл на день рождение под предлогом дождя. Дождь и, правда, моросил, но во дворе у дяди Вити, где жил Разов был прекрасный шиферный навес, обвитый виноградной лозой. Евгений опередил Мяхкова, и первый, сославшись на дела, отказался от участия в мероприятии. Разов замариновал два килограмма мяса: соль, перец, лук и ничего лишнего, что называется в собственном соку. Мясо дружно скормили собакам, через пять дней, в пятницу, возле магазина — Лесник. Коллективно нюхали, нюхали, пожалели, вздохнули и выбросили. День рождение прошло. Разову исполнилось тридцать пять лет.

«Ничего...» — думал Мяхков: «Придёт и мой день». Но время шло, а день не шёл.

Как же мог Мяхков дышать наравне одним воздухом со своим народом, с народом терпеливым, многострадальным, если даже трудовой книжки не имел. Его налоги — это плата за проезд в маршрутке, и ежемесячные шестьдесят рублей за Сбер-банк онлайн, и четыреста шестьдесят рублей в этот же банк за годовое обслуживание. Плата частнику-собственнику за съёмное жильё, он в счёт не брал, сомневался, что к государству это имеет отношение. Мяхков стоял в очереди в магазине «Магнит» и думал: «Я даже возмущаться не могу как они, даже претензию кинуть в рожу капиталистам не могу. Получится, что я притворяюсь, мол, я со всеми. Лучше буду молчать, я ж вроде православный, это приветствуется».

Мотив такой, что мотива не было. Мяхков ходил на работу ради стабильности в мире. Для баланса. Его работа ему давно не нравилась: «А кому может, нравится Строоооиии-тельствоооо».

Мяхков просыпался, пил кофе, иногда перед кофе пил воду, чаще всего не пил. Он, почему-то не курил, скорее всего, ради экономии, спортом он не занимался, да и курить ему больше было к лицу, чем не курить. Что-то ел, чаще не ел. И бежал на остановку, когда бежать было не нужно, медлен-

но шёл. На работу всё равно опаздывал. На работу Мяхков опаздывал ради принципа, тоже для баланса.

Разов и Субарев не опаздывали, а он наоборот. Ахватов тоже постоянно опаздывал, но Ахватов опаздывал не ради принципа, а ради хронологии — в школу на первый урок, он тоже не ходил. В классном журнале его фамилия стояла первая, но учителя его фамилию не называли, а говорили: «Спит». Ахватов знал Мяхкова триста лет, Разов чуть меньше, Субарев делал вид, что только что с ними познакомился.

Утепление домов и декоративная отделка приветствовались на юге России. Мяхков, Субарев, Разов и Ахватов назывались — фасадчики. Работу свою делали исправно, быстро и качественно, не всегда быстро, но качественно. Поэтому работа была. Мужики брали строительные леса в аренду у очень милой и сердобольной женщины Инессы Карловны. С Инессой Карловной, коллектив работал уже давно, на что Мяхков говорил: «Мы у Инессы Карловны, как у Христа за пазухой». Так и было. Инесса Карловна, была им как мать. Хотя сама вырастила троих сыновей. Что значит, «своих хватает». За глаза, бригада называла Карловну, бабушкой. Карловна косолапила и на леса залазила, как мишка-коала. На трубу накручивались хомуты — «крабы», по «крабам», бабушка преодолевала ярусы.

— Клик, позвони бабушке возьми по рублю, а лучше по два.

— Мне трёшка нужна,— сказал Особенно Жека.

И Карловна всегда занимала деньги. Всегда. Единичные случаи, когда она отказывала. Бывало, авансы доходили до ста тысяч на весь коллектив, что ещё говорило о взаимном доверии. У Инессы Карловны в городе за долгие годы деятельности, сложилась хорошая репутация.

— Вот смотри, я сегодня не съел коровку из Кореновки, — Мяхков говорил про своё любимое мороженое крем-брюле, которое он ел каждый день. — И nats, то есть я могу отложить сто рублей, правильно?

— Правильно,— отвечал Ахватов.

— Сейчас приду домой, сделаю какую-нибудь дырку и засуну их туда.— Ахватов большим и указательным пальцем левой руки сделал жест — хорошо, окей. А указательным пальцем правой руки проткнул это хорошо.

— Зачем делать дырку, если она уже есть.

Ахватов и Разов понимали и принимали Мяхкова, хотя

часто относились к нему не внимательно. С его бесконечными идеями. Мяхков хоть и был православным, но молчать совсем не мог. Если бы могли наказывать молчанием, для него, это было бы самой страшной карой.

— Карлито,— так Мяхков называл Разова.— Ты знаешь, что руки строителя длиннее, чем у обычного человека, смотри.— И сидя на третьем ярусе, он дотягивался вниз подсобным шпателем, чтоб нанести короед, почти на середину стены второго яруса.

— Да, но это у тех, у кого короткие ноги. — Ахватов, как и Мяхков, любил подурачиться, пофантазировать. И не важно, кто начинал, другой обязательно подхватывал.

Мяхков подошёл к разнорабочему Коле, не из бригады Миски-тазики.

— Коля, отныне называй меня Фрэнк Эбигнейл!

— Как?— Николай человек пьющий, поэтому мудрый, в процессе жизни научился не обижаться на окружающий мир.

— Запомни, Фрэнк Эбигнейл.

— Просто Эдик, короче!

Казалось, Мяхков таким способом поднимал себе настроение.

— Карлито, а ты помнишь бабушку, которая продавала семечки возле тринадцатой школы?

— Нет, — Разов жил в другом районе на «Новых домах»

— Говорили, что она грела ноги в семечках, все об этом говорили, но всё равно покупали.— Разговор услышал Костя сварщик, он монтировал газовые трубы.

— Так поэтому и покупали, что они были вкуснее,— улыбался Костя, он совсем не был знаком с фасадчиками, но то, что они говорили в течение дня, его забавляло. И Мяхков часто замечал его невольную улыбку.

Глава 8. Десять — ноль

Мяхков не входил, а вступал в отношения. Вступал неожиданно — негаданно, с лёгкостью. И до того увлекался, что однажды заметил, уже неделю не может купить себе запасные трусы, зато бежит с букетом цветов за пятьсот руб-

лей. Для Мяхкова уже давно не было секретом, что не он выбирает женщин, а они его. Он до того одичал, что поставил себе задачу: знакомиться с девушками каждый день, в течение десяти дней. В процессе он разделил девушек на несколько категорий: девушки-кассиры, девушки-фифы, девушки с мамами, девушки с собачками, девушки из администрации, девушки в машинах. К девушкам в машинах Мяхкову, особенно, боязливо было подойти, у них было преимущество в имуществе. За десять дней он так и не решился. Успел пообщаться с одной фифой, неопределённого возраста, с накачанной верхней губой, он специально старался меньше смотреть на её лицо, потому что взгляд всегда останавливался на губе. И очень интриговало Мяхкова: «Интересно при поцелуе, я почувствую упругий силикон». Поцеловать фифа себя так и не дала, сказала: «Я бы могла с тобой дружить, а с кем заниматься сексом у меня есть». А Мяхков на это ответил: «Это последний наш променад». Только не вслух.

Продавщице суши, Мяхков сказал:

— Девушка, добрый день, давайте познакомимся,— и хотел уже сказать своё имя, на что девушка спросила:

— Зачем?

— Как, зачем, чтобы прекрасно провести время: сходить в кино, выпить кофе, съесть ваши суши.

— Нет, спасибо.

— Но почему нет?— не унимался Мяхков. — У вас есть парень, муж?

— Да.

После этой попытки Мяхков сделал соответствующий вывод, ни в коем случае нельзя подводить девушку к негативному ответу, а ещё хуже отвечать за неё. Нужна конкретика: да-да, нет-нет. Привет. Привет. Ты ослепительно красивая, в кино пойдём? Пойдём. Давай номер телефона запишу. Так он проделал в магазине, на своей улице, получил отказ. Был, как математик, конкретен с кассиршей в «Магните». С девушкой, которая шла с мамой по набережной, Мяхков тоже сглупил. Подлетел весь улыбочивый, как смайлик, под ноги не смотрит и забыл про то, что нужно ровнять возраст дочери и мамы: «Иду, смотрю, какие милые сёстры», чтобы быть любезным с мамой в первую очередь, надо брать врасплох комплиментом. Но Мяхков, так и сказал: «А это наверно, ваша мама?». «Нет, это моя подруга, всё мимо, не попал», — ответила предполагаемая дочь. А «мама» сказала: «Шуруй отсюда!» Только через букву – П. Мяхков, как человек

ранимый, конечно, обиделся: «Вот меня уже один раз и на хутор бабочек ловить, послали».

Возле администрации Мяхков тоже не успел споткнуться. Ему хотелось выронить под ноги пачку форматных листов со стихами и портретиком Анны Ахматовой, и та, что бросится помогать, и станет его женой.

Для знакомства с девушками с собачкой, нужна собачка самому. Позже Мяхков смекнул, что в принципе собака не нужна, нужна бутылка с водой, и перед тем как подойти к девушке обрызгать лицо водой, и натереть докрасна глаза, закрыть рот ладонью, но чтобы можно было говорить, подойти и сказать: «Здравствуйте, а вас, как зовут?» — имея в виду имя собаки. «А моя Деметра, недавно умерла, двенадцать лет с нами прожила». Ну, а дальше, Мяхков предполагал, любая девушка дрогнет, а если девушка ещё окажется знакома с мифологией, то имя умершей собаки, принесёт успех. Ради знакомства с хорошей девушкой Мяхков даже изучил некоторые породы собак и мифологию, хотя к ручным собакам не питал никакой симпатии. Он понял одно, что к собаке нужно относиться как к человеку: кормить, расчесывать, чистить зубы, хотя бы свои.

Статистика десяти знакомств, оказалась неутешительной. Два раза его послали по известному адресу. Шесть раз от-

казали, без всякой надежды на второй шанс. После пятого отказа, а отказала ему девушка кавказкой национальности. Мяхков добавил еще один пункт девушки другой национальности, и эту категорию Мяхков признал самой недоступной. Два номера телефона он всё же записал, но ни одной не позвонил. В фифу Мяхков вложил ёлку, дело было перед Новым годом, одно тирамису, чашку кофе, и стеклянную вазу, которую подарил ей вместе с розой. Фифу он хорошо запомнил. Она вся была бело-розовая, похожа на целлофановый пакет с пастилой, мармеладом, зефирками. А зефир и птичье молоко, он терпеть не мог. Фифа записала Мяхкова в телефоне: Волшебный. Что Мяхков воспринял как сарказм: «Волшебный, блин, умственно отсталый что ли, или блаженный». В общем, Мяхков остался без секса. Десять — ноль проиграл Мяхков.

— Да и пошли они все!!!

Глава 9. Ты меня бесишь.

С изучением античности его христианское начало сменилось новым восприятием. Он смотрел на её тело, как на произведение искусства. Конфетная тарелка полная, хрустальная ваза в узорах на столе, постель белая, гардины в пол.

Мяшков создал Валюшу, утончил её запах. Она вытирала нос ладонью вверх. Щёчки чесала указательным пальчиком, ударяя вниз, как кошка. Когда задумывалась: морщила подбородок и прятала губы. Мяшков придумал её образ, и полюбил его. Он смотрел на неё с величайшим умилением. Будто получал огромное удовольствие от массажа головы. Валюша стала для него нервным окончанием, эрогенной зоной. Хотя Мяшков плохо чувствовал своё тело. Боль чувствовал мгновенно, а вот к приятным ощущениям, мозг относился недоверчиво.

— Ты мало зарабатываешь, это раз, мы никуда не ходим — это два, путешествовать не ездим.

Валюша разговаривала лёжа, любимая её поза предъявлять претензию. Её ехидно-гневное лицо лишало надежды Мяшкова перейти на шутку.

— Никуда не ходим? Ты имеешь в виду по ресторанам, так по ресторанам ходить — денег нет. А так почему бы и не ходить, мы каждый вечер можем ходить, куда угодно ходить. К морю, например, есть морожко, а по ресторанам мне и неинтересно ходить. Валюш, будешь баловаться, я тебе завтра куплю билет до Липецка, едь, ищи себя.

— Уйди, ты меня бесишь, ты меня раздражаешь!

— Слушай, мне не нравится твой тон, вчера ты весь вечер змейей вертелась: люблю, люблю, а сегодня: бесишь, раздражаешь, что за херня? Это что за любовь такая?

Мяшков стоял над Валею и даже забыл, что заварил чай.

— Потому что, твои тысяча рублей в день, твои авансы, постоянные звонки Карловне, умоляя дать тебе тысячу рублей. «И ничё я её не умоляю»,— подумал Мяшков.

— Меня это раздражает, ты привык так жить, а я не хочу привыкать жить на тысячу рублей.

Лицо Мяшкова загорелось.

— Знаешь, в такие моменты между нами нет любви. И единственная верная мысль, которая мне приходит в голову, при всей нашей любви друг к другу — нам лучше расстаться. Поплачем, будет больно, и я поплачу, но это пройдёт и каждому после станет легче. Я никуда не хожу и мне хорошо, меня никуда и не тянет.

— А ещё ты сказал, что если в вазе не будет цветов, значит у нас с тобой, что-то не так.

С самого начала отношений Мяхков пообещал: «В этой вазе всегда будут стоять цветы, и если ты заметишь, что в вазе нет цветов, значит, у нас с тобой что-то не так».

— Правильно, у нас и так что-то не так, у нас денег нет.

Ваза уже два дня стояла без цветов.

— Как говорил Блочковский мудрец Жека Колбаска: «Там, где меня не принимают в дырявых носках, нехер появляться в новых».

— Какие колбаски, какие мудрецы, что ты несёшь?!

— А то несу, что ты меня не принимаешь, с тем: как и где и сколько я зарабатываю, а я тебе лапшу на уши не вешал, и в рубаху ничего не заворачивал. Я тебе сразу сказал, кто я и что я. Сказал, что с голоду не умрём, пожрать будет, голой ходить не будешь.

Валя думала: «А может, и правда, с ним расстаться, пока не поздно, пока, как говорит мама, детей нет, ведь через десять лет ему уже будет сорок три. А он сейчас, никуда ходить не хочет. Завёлся, завёлся, теперь не остановишь». — Валя уже не хотела продолжать разговор. Мяхков вышел на кух-

ню, поднял кружку, поставил на место. Поднял ложку, положил в кружку. Вернулся.

— И вообще, чьи слова были, что деньги для тебя ничто, что ты готова жить в лесу. В лесу то ходить некуда, кроме как в прятки играть.

— Это я так думала, что не интересуют, просто я не хочу жить бедно, жить в нищете.

— Так мы и не живём в нищете, ты на работу с работы на такси ездешь, какая на хрен нищета, короче Валя замолчи, не хочу больше говорить.

— Сам замолчи, придурок конченный!

— Слушай,— Мяхков сел на диван, снова встал. — Да убери ты, телефон!— Валя послушалась.

— Я не собираюсь с тобой жить в таком деструктиве. И на писюнах катать друг друга не хочу. Может, мне ещё боксировать с тобой начать, так это не ко мне. Я не знаю, что у тебя было в прошлых отношениях, и знать не хочу, откуда ты этого набралась. Я тебе ещё раз говорю, это не ко мне. Я так жить не хочу! Ругайся с коллегами на работе или с клиентами. В подъезд иди, перила погни, как раз выяснишь, кто

курит в вентиляцию. Ты поняла?! Чё лыбишься?

Валя смотрела на него и думала: «Смотрите-ка, правильный какой, идеальный нашёлся». И продолжила смотреть Reels.

«Сука, только чай остыл»,— подумал Мяхков, и снова поставил чайник. И долго ещё сидел на кухне, рассматривая свои ноги, ногти, ладони.

Глава 10. Инвитро

Валюша открыла глаза и первая мысль, сразу укусила мозг: «Ну что он там тарыхтит, блин, и дверями хлопает, сколько раз говорила: закрывай дверь, когда зубы чистишь». Мяхков вздрогнул от хлопка двери: «Бля, проснулась, и не поленилась дойти до ванной». Мяхков бросил щётку в раковину и вылетел из ванной.

— Что ты хлопаешь, я же закрыл твою дверь в спальню,— казалось, Валюшино лицо превращается в кулак, чтобы ударить Мяхкова.

— И в ванной тоже закрывай, неужели так сложно.

— Валя, прекращай, начинать моё утро с негатива, у тебя унылые дни начались, так ты заранее предупреждай, чтоб я на неделю съезжал. Посмотри лучше, какая погода: солнце светит, птички поют, настоящая поэзия Фета: «Это утро, радость эта, эта мощь и дня и света».

— Я чувствую, я заболела, у меня ужасно болит живот в правом боку. Надо сделать УЗИ. Вдруг у меня киста или опухоль, а ты меня не любишь и не заботишься обо мне. «Опухоль, выхухоль», — подумал Мяхков. Он понимал, что Валяша абсолютно здоровая, но ещё больше осознавал, что переубедить её не получится. Нужно молчать и следовать инструкциям.

— Хорошо, будем тебя спасать.

Ах, как нелегко молчать, когда хочется кричать, и что-нибудь бить ногами. Попытался ждать в прихожей, но в молчание обостряется слух. Хлопали дверцы ящичков, текла вода из крана,— Мяхков втянул голову в плечи, не выдержал и выбежал на улицу.

Пошли в Инвитро. Мяхков покорно отдал свои сбережения — две тысячи рублей, на заначку у него, естественно, были планы, ведь ни за какие деньги не купишь время, а тем

более спокойный день, а Мяхкову удалось сегодня, всего за две тысячи.

После УЗИ Валя вышла в коридор в ужасном отчаянии. Мяхков вскочил.

— Ну, что, всё в порядке!?!— Валя просунула руки в пальто.

— Сейчас выйдем, скажу.

— А здесь, что нельзя,— рядом одевалась женщина. Пауза продолжалась до светофора.

— В общем, внематочная беременность у меня. Плод за рождается вне матки, случаи со смертельным исходом. Рожать нельзя.

В голове Мяхкова одновременно, хлопнули все двери подъезда, на чугунную, не выспавшуюся голову, он представить не мог, как ребёнок мог уйти куда-то в сторону. «Что за шляпа!».

— Так значит, не надо рожать.

Загорелся зелёный светофор, но Мяхков продолжал сто-

ять на месте.

— Да шучу я,— Валюша потянула его за руку.

— Ты в своём уме, я чуть было — не было контроль в штаны не дал, разве так можно!

— Милый, ты такой маленький, мне сказали, что у меня организм ребёнка, скорее всего, беспокоит кишечник.— На УЗИ от этой новости на Валюшином лице заиграла радуга, и она подумала: «Ну, я сейчас ему устрою, «Что было дальше?»»».

— Представляешь как хорошо, что мы сходили и проверились, теперь я спокойна. Иди я тебя поцелую.

— Это не смешно, я ещё думаю, как это наш Яромир, ушёл куда-то вне матки, что за непослушный ребёнок. Сейчас придём домой, я тебя грибным супчиком накормлю, и всё пройдет.— Мяхков крепко обнял Валу.

— Я так рад, я так рад, что ты здоровая. Моя пантера, тигрица моя, ты же здоровьем похвастайся, мой крепок.

— Ну, всё хватит, пошли в аптеку зайдём.

Формула успеха несложная. Берём вкусняшки: чипсы, шоколадки, печенье, мороженное, фрукты, холодную кока-колу, орешки. Обязательно разложенный диван, две подушки, плед — один на двоих, чтобы ноги переплетались. Плазма на стене, оплаченный на месяц интернет Ростелеком и свежий фильм, иначе, если кто-то смотрел, тогда начнёт копошиться. (Копошиться — метафорический глагол. Здесь: переворачиваться с боку на бок, тянуть на себя плед, каждую минуту целоваться и трогать за волосы. Часто ходить на кухню, или смотреть в телефон). А если света нет? Свет, вода, тёплое жильё: стены, мебель — уже входит в эту формулу.

— Ты что спишь, что ли?— сон расценивался как предательство.

— Нет, я лежу и думаю,— ответил Мяхков.

— О чём?

— Как о чём? Какочём. Вспомнил старого знакомого, представляешь, он так сильно любил свою девушку, и чтобы она никуда не ходила, откусил ей кончик носа. А до этого доброму мужику Жану, тоже откусил кончик носа. Друзья его прозвали Дима Носоед.

— Боже, любимый, откуда у тебя такие знакомые?

— Да так, познакомился в одной компании. Я выпил изрядно, мы решили провести коллоквиум. Он отвечал, а я начал шутить над ним. Я лежал на диване и прикрыл глаза от усталости, ведь компания погорельцев, тапочки лучше не снимать, а когда открыл глаза, вдруг его лицо оказалось слишком близко с моим лицом, мне даже померещилось, что он оскалился и облизнулся, меня аж холодный пот прошиб. Я ему говорю: «Не вздумай, пёс, убью нахер». И на протяжении всего вечера следил, чтобы он ко мне близко не подходил. Так я вот, лежу и думаю, каких только интересных людей иногда не встретишь.

— Вот это любовь..., вздумаешь от меня уйти, я тебе тоже носик откушу.— И Валюша поцеловала мужа в нос.

Глава 11. Слезы Шукшина

Часто начинали, шутя драться. Валя в порывах запрыгивала на диван и махала ногами. Мяхков кричал:

— Кость в кость!

— Кусь-кусь! — стиснув зубы, кричала Валюша.

Они были почти в одинаковой весовой категории и приблизительной комплекции. Мяхков позволял себя бить по плечам. Валюша удачно пробивала корпус.

— Ах, ты жопка, — кряхтел Мяхков.

Когда попадала кость в кость, драка заканчивалась. Валюша не выдерживала боли. Мяхков целовал её в нечаянно, ушибленное место.

— Ну всё, кусь-кусь, хорош, ложись ко мне на плечо.

— Давай, посмотрим, как выбирать себе партнёра, — загорелись глаза Валюши. Она любила беседы психолога Лобковского.

— Валя, но у меня уже есть партнёр — и это ты, зачем тебе это?

Пульт от телевизора сегодня был в руках у Мяхкова, он даже чувствовал некое доминирование. Он искал, что посмотреть на ютубе, и увидел видео про Шукшина.

— Вот, Шукшин, давай посмотрим.

На видео, ведущий говорил, о любви Шукшина к родине, к России, Шукшин сидел на большом камне, открывался вид на реку, и горько плакал. Валюша услышала всхлипывания мужа.

— Меня бесит, что ты плачешь каждый фильм, а это даже и не фильм. Когда я вижу, как ты плачешь, хочется дать тебе по гнилой.

Мышцы бедра называли гнилой. Бить по гнилой — Валюшу научил Мяхков. На расслабленную, ничего не ожидающую, любимую жену, обрушивалась сокрушительная пятка. Пятка любви. Нога резко поднималась вверх до упора, и, не сгибаясь, падала пяткой вперёд. Не рекомендуется бить по гнилой тем, чей вес превышает сто килограмм. Побочные действия: возможно, появиться желание сходить в туалет по-маленькому.

— Представляешь, как он чувствовал, как болел,— Мяхков вытер слёзы футболкой.

— Ну, и болела у него душа за родину, что мне?

«Слёзы Шукшина, её не тронули», — огорчился Мяхков и уставился в потолок.

Мяхков уговорил Валюшу посмотреть фильм «Калина красная», ему очень хотелось, чтоб она прониклась лично­стью Шукшина, и не ошибся, Валюше понравилось. В конце фильма, когда подстреленный Егор Прокудин, умирал на руках Любы, Валюша не стесняясь, вытирала слёзы.

— Знаешь, если бы тебе не понравился фильм, я бы очень сильно расстроился, и даже подумал бы что ошибся в тебе. В душе Мяхкова потеплело, как в день зарплаты.

Случайно наткнулись на новости: В Омске почтили память Анатолия Пушкина, возле памятника — Александру Пушкину, люди читали стихи.

— Какого Анатолия?— рассмеялся Мяхков.— Они что там гонят.

— Может брата его.— Прыснула Валюша.— Я так люблю тебя.— И прильнула на грудь мужа.

— Обещай мне, что если я умру, ты себе никого никогда не найдёшь, и останешься один.

— Обещаю.— Уверенно отвечал Мяхков, думая: «ты ещё меня переживёшь».

— Обещай, что ты никого не полюбишь, а если и полюбишь, то не будешь любить так же как меня.

— Ну, как я смогу кого-то любить, если я буду один.

Ничего, кроме нежных чувств такие разговоры не вызывали у Мяхкова.

— И обязательно, чтоб меня кремировали, не хочу лежать в земле.

Лежание в земле, Валюша представляла делом долгим и утомительным, тем более в земле холодно. И Валюша рассказала, как на работе, накануне, с молоденькой администраторши Кати, целый день сыпалась земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.